

© 2014 г.

Константин Микульский

член-корреспондент РАН, советник РАН
директор Международного научно-исследовательского
института социального развития
(e-mail: socpol@mail.ru)

НЕАДЕКВАТНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕБОВАНИЯМ ЕГО ПОЗИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Кратко рассмотрены существенные черты нынешней российской общественной системы, ее генетическая связь с советским «коммунистическим социализмом», историческая обреченность нынешней системы и возможные варианты ее деградации и смены.

Ключевые слова: постсоциалистические общественные отношения, постсоциалистическая элита, ее несоответствие требованиям общественного прогресса.

Весьма вероятно, что обозримое российское будущее – это период резкого обострения всех проблем общественного развития. Некоторые из них, возможно, удастся временами несколько смягчить (либо благодаря повышению цен на нефть, что маловероятно, либо путем мобилизации всех имеющихся резервов, либо путем расширения военно-промышленного комплекса, т. е. путем по существу непродуктивных расходов). Но очевидно также, что сегодня нет прочных предпосылок – экономических, политических, идеологических – для того чтобы максимально сконцентрировать общественные усилия и перейти на путь рационального развития, исключая углубление социальных противоречий и острые социальные конфликты. Этот путь блокируется нынешней системой общественных отношений.

Великой исторической драмой России стал не столько распад СССР, к которому, откровенно говоря, стремились или которому не сопротивлялись ни правящая российская элита, ни элиты союзных республик. Они не видели выгоды для себя от существования союзного центра. Главной драмой было то, что демократическое движение быстро захлебнулось. Произошел провал попытки группы демократов заменить так называемый социализм общественным устройством, позволяющим реализовать общественный прогресс. Наоборот – реализовалась неизбывная потребность правящего класса сохранить свое политическое господство над обществом и при этом заменить опосредованное различными маскирующими методами господство так называемой общенародной собственности собственностью частной, индиви-

дуализированной, позволяющей осуществлять практически открытое присвоение общественного богатства. Напомню, что частично эта потребность элиты стала реализовываться практически с самого начала социалистического строительства, но уже в 80-х гг., а тем более в последние годы, проявлялась и реализовывалась все более активно и наглядно. Своеобразный «социалистический капитализм» сменился бюрократическим капитализмом, резко отличающимся от современного капитализма в развитых странах как по своей социальной сущности, так и по своим социальным последствиям.

Нельзя недооценивать происходящие в сознании власти и элиты изменения, заключающиеся в признании, что главным препятствием для развития является нерешенность внутренних проблем. Однако ценность такого признания резко снижается в силу того, что переживаемые обществом трудности усматриваются, как правило, лишь в сфере экономики, но не в целях и методах внутренней политики. Какие-то позитивные подвижки в экономической политике иногда дают результаты, но политическая система практически полностью сохраняется и даже ужесточается, а «частички» либерализации либо вскоре отменяются, либо успешно нейтрализуются. А ведь наиболее существенно тормозит решение экономических проблем именно нынешнее политическое устройство общества.

В то же время очевидна активизация в 2000-е гг. российской экономической политики по различным направлениям. Громче зазвучали требования «сойти с нефтяной иглы», что, впрочем, при нынешней отраслевой структуре российской экономики и нынешней ориентации интересов наиболее влиятельных финансово-промышленных групп оказывается невозможным. Ставится задача внедрить в управление экономикой комплексно-целевой подход. Разработано немало либеральных, отраслевых и региональных программ экономического подъема. Однако во многом эти усилия не привели к ожидавшимся результатам. Различные программы периодически дорабатывались, в них стало больше места отводиться механизмам их реализации. Но ситуация кардинально не менялась. Примечательно, что власть и общество до сих пор уклонялись от критического анализа причин наблюдавшихся неудач, понимая, что эти причины глубоко коренятся в сложившейся общественной системе, а в изменении ее нет личной и корпоративной заинтересованности.

Общество допустило формирование господствующих над ним социальных слоев («элиты»), абсолютизовавших свои интересы в противовес интересам общества, требованиям его прогрессивного развития. Эти противоречия глубоко укоренились и в политике, и в экономике, и в духовной атмосфере общества, деформируя их. Но пока все это слабо осознается населением. Несмотря на отдельные протестные акции, которые либо затухают сами по себе ввиду их бесперспективности, либо подавляются

властью, можно констатировать, что основная масса общества чужда конструктивной общественной, особенно политической активности. Хотя в какой-то перспективе нельзя отрицать, что проводимая властью политика, к каким бы социальным маневрам она ни прибегала, может привести к появлению низового противодействия, даже выходящего за рамки утвердившихся стандартов правопорядка.

В то же время нельзя исключать, что в той или иной мере поддерживаемые властью наиболее радикальные консервативные силы воспользуются обострением ситуации, будут проникать во власть с целью занять положение нынешней элиты и продолжить паразитирование на пороках системы, даже усугубляя их. И пока нельзя ожидать того, что российское общество сможет стать достаточно зрелым, чтобы оказать сопротивление. К тому же нельзя не видеть и того, что готовность общества к борьбе за прогрессивные преобразования значительно ниже, чем на рубеже 80-х–90-х гг. прошлого века.

Можно полагать, что России предстоит не одноэтапная смена системы, которая обеспечила бы устойчивый прогресс, а череда (через те или иные промежутки времени) новых либеральных попыток продвинуть общественное развитие вперед, и новых жестких попыток реставрации, регресса. Возможно также, что Россия путем репрессий заморозит нынешнюю ситуацию, но нет сомнений, что в ходе дальнейшего исторического развития Россия не сможет очень долго оставаться на консервативно-реставрационных позициях и постепенно (вряд ли одним рывком) выйдет на путь реальных прогрессивных преобразований.

Пока же практически все составляющие российское общество слои не адаптируются к мировым тенденциям общественного прогресса, оказываются малоспособными к выполнению своих объективно общественно необходимых функций. Разумеется, это относится, прежде всего, к правящей элите, но характерно и для других социальных групп, включая и такую социальную группу, которую в России было принято называть интеллигенцией. Немало творческих работников обслуживают деградирующую систему, и этот фактор нельзя недооценивать при прогнозировании общественного развития.

Тяжелы последствия утраты квалификации и обычных работников, критически низкий уровень подготовки большинства новых кадров.

Способный к более эффективной работе средний класс, прежде всего средние и малые предприниматели и их коллективы, по существу, несмотря на декларируемые и осуществляемые последние годы меры государственной поддержки, остаются в значительной мере бесправными и эксплуатируются государственной бюрократией. Многие мелкие предприятия разоряются или уходят в теневую экономику, а перерастание малых предприятий в средние наблюдается редко. Это сильно мешает России наращи-

вать ВВП, гарантировать устойчивость занятости, возвращаться к мерам по демократизации общественной жизни.

Российское общество в кризисе. Но этот кризис не подобен циклическому, преходящему и преодолеваемому отладкой существующих механизмов функционирования экономики, тех или иных реформ, а российский кризис системный, вытекающий из неспособности системы к эволюции. Он базируется на глубоком конфликте интересов элиты и общественного прогресса, на неспособности элиты смягчить эти противоречия, не капитулируя под напором общества снизу, а действуя по собственной инициативе.

В связи с этим иногда говорят, что российское представление о сути кризиса отличается от китайского.

Складывается впечатление, что для российской политики кризис – это просто снижение деловой активности, спад производства и т. п., но не время для максимизации усилий в поисках выхода из кризиса, кардинального пересмотра сложившихся условий, а скорее время, когда нужно лишь переждать, ведь возникнут же когда-либо внешние условия для изживания кризиса (например, опять повысятся цены на нефть, спадет напряженность во внешнеполитических отношениях с миром, а может быть, проявится наконец позитивный эффект созданных в экономике сверхмонополий).

Китайцы же, как говорят знающие люди, склонны в кризисе усматривать возможность выявления перспектив роста и совершенствования. В кризисе нужно увидеть пути формирования условий подъема и мобилизации усилий для их использования. Считается, что такая трактовка кризиса просматривается и в иероглифическом начертании слова «кризис».

Российская практика показывает, что нынешний кризис вытекает из инерционного политического курса и неспособности системы к эволюции.
